

ГУМАНИСТ ИЗ ГИПЕРБОРЕИ: РУССКИЙ КНИЖНИК ДМИТРИЙ ГЕРАСИМОВ И ЕГО РАССКАЗ О СВОЕЙ СТРАНЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИТАЛЬЯНСКОГО ГУМАНИСТА ПАВЛА ЙОВИЯ (1525 год)

Кудрявцев Олег Федорович – доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) (Москва, Россия).

Если верить итальянскому гуманисту Павлу Йовию, то открывал он Московскую Русь и описывал для Европы главным образом благодаря тому, что поведал ему о ней Дмитрий Герасимов. В лице папского придворного и гонца русского государя сошлись для собеседований, которые имели, впрочем, конкретные информационно-осведомительные цели, два мира, две культуры и цивилизации, пытавшиеся узнать и в выработанных ими понятиях осмыслить друг друга.

Русский книжник и дипломат Дмитрий Герасимов (ок. 1465–1535?) был весьма хорошо подготовлен к подобной встрече¹. В русских источниках он также известен под именем «Митя толмач», «Митица малой», «Митя малой», окончил школу в Ливонии, был тесно связан с кружком новгородского архиепископа Геннадия, по поручению которого сделал ряд переводов с немецкого и латинского полемических богословских трактатов и отрывков из немецкой псалтыри; он перевел также латинскую грамматику Доната и, кроме того, с Власом Игнатъевым (Игнатовым) помогал Максиму Греку в переложении на русский язык богослужебных книг; по некоторым предположениям, именно он перевел сочинение Максимилиана Трансильвана о кругосветном путешествии Магеллана. Не раз в составе русских посольств в роли толмача бывал за границей; в этом же качестве он был приставлен к иностранным послам, приезжавшим в Москву, в частности к Герберштейну. В апреле 1525 г. Дмитрий Герасимов возглавил дипломатическую

¹ См. о Дмитрие Герасимове: *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. – Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1903, т. 74. № 1, с. 122, 186, 190, 191, 192, 261; *Пирлинг П.о.* Россия и папский престол. Книга первая. Русские и Флорентийский собор. М., 1912, с. 311–319; *Казакова Н.А.*, *Катушкина Л.Г.* Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана (перевод письма Максимилиана Трансильвана). – Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР. Л., 1968, т. XXIII (с. 227–252), с. 237–239; *Казакова Н.А.* Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. – Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти академика Е.В. Тарле. Л., 1972, с. 252–266; *Казакова Н.А.* Дмитрий Герасимов (Митя Малый). – Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988, вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.), ч. 1, с. 195, 196; *Синицына Н.В.* Максим Грек в России. М., 1977, с. 64, 71, 72; *Язькова В.Е.* Папский престол и Московское государство (к истории дипломатических связей в первой половине XVI в.). – Средние века. М., 1995, вып. 58, с. 198–205; *Макарий архим. (Веретенников).* Жизнь и труды Макария митрополита Московского и всея Руси. М., 2002, с. 74–77; *его же.* Толмач Дмитрий Герасимов. – *Его же.* Святая Русь. Агиография, история, иерархия. М., 2005, с. 175–192; *его же.* Дмитрий Герасимов. – Православная энциклопедия. М., 2006, т. XI, с. 171–173; *[Боднарчук Е.В.] Голод Е.В.* Русский книжник и дипломат Дмитрий Герасимов: взгляд из Италии. – Вестник СПбГУ, сер. 2. История, 2012, вып. 4, с. 147–151; *Боднарчук Е.В.* Об одном «небывшем посольстве» в Россию в XVI веке. – Историческая и социально-образовательная мысль, 2014. № 1, с. 13–15.

миссию в Рим (посольство вернулось в Москву в июле 1526 г.)². О русском госте и его стране поведал нам Павел Йовий³ в небольшом сочинении «Книга о посольстве Васи́лия, великого князя Московского, к папе Клименту VII», вышедшем в Риме в 1525 г. — первом в европейской литературе, целиком посвященного Московской Руси⁴. Автор этого произведения Павел Йовий, по-итальянски Паоло Джовио (Paolo Giovio, 1483—1552), был весьма примечательной личностью. Он изучал в Падуанском университете философию и медицину. Довольно скоро оставив врачебную практику, Павел Йовий посвятил себя занятиям литературным — описанию достопамятных событий своего времени, отдаленных стран и народов, а также людей, прославившихся на поприще культуры, политики, военного дела. В 1512 г. Павел Йовий обосновался в Риме. При дворах Льва X и его преемников — Адриана VI, Климента VII, Павла III — он выполнял многочисленные поручения литературного и церковно-дипломатического характера, путешествовал по Италии и Европе. Наиболее известными его произведениями стали «XLV книг истории своего времени» (*Historiarum sui temporis libri XLV*), запечатлевших отрезок времени от Итальянских войн, начатых походом Карла VIII в 1494 г. в Неаполитанское королевство, до 1549 г., и сборники элогий, своего рода кратких характеристик выдающихся мужей, помещаемых под их портретами, которые были выставлены в созданном Йовием музее. В 1545 г. Йовий завершил, а в 1546 г. издал в Венеции «Описания мужей, прославленных ученостью» (*Elogia virorum literis illustrium*); в 1551 г. во Флоренции издал семь книг «Описаний мужей, прославленных воинской доблестью» (*Elogia virorum bellica virtute illustrium*). Удовлетворяя интересам, пробужденным географическими открытиями, большое место в своем творчестве Йовий уделял повествованиям об отдаленных странах и народах. В 1531 г. он опубликовал «Записки о делах турецких» (*Commentari delle cose de' Turchi. Venezia*), в 1540 г. — работу «Вера, религия и нравы эфиопов под властью пресвитера Иоанна» (*Fides, religio, mores Aethiopum sub imperio Pretiosi Joannis. Louanij*). Первым, однако, в этом ряду был трактат о Московии, или «Книга о посольстве Васи́лия, великого князя Московского, к папе Клименту VII».

Но вернемся к отзыву Йовия о Дмитрие Герасимове. «Этот Дмитрий, — пишет Йовий, — очень порядочно владеет латинской речью, так как в юности он посещал школу в Ливонии, где и получил первоначальное образование»⁵. Подтверждением его немалых познаний в этом языке является то, что сначала он сам, как сказано, а затем уже

² Указание Павла Йовия на то, что Дмитрий Герасимов направлялся ко дворам европейских государей в качестве посла, является недоразумением или, возможно, вполне сознательным со стороны самого Йовия преувеличением значимости того лица, которому русским государем была доверена дипломатическая миссия в Рим. О том, что Дмитрий Герасимов не посол, а гонец, см.: Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. Л., 1980, с. 142.

³ О жизни и творчестве Павла Йовия см.: Rovelli L. L'opera storica ed artistica di Paolo Giovio comasco vescovo di Nocera. Como, 1928; Paolo Giovio. Il Rinascimento e la memoria. Atti del Convegno. Como, 1985; Price Zimmermann T.C. Paolo Giovio: the Historian and the Crisis of 16th Century Humanism. Princeton, 1995; *idem*. Giovio Paolo. — Dizionario biografico degli italiani. Roma, 2001, v. 56, p. 430—440 (см. здесь более подробную библиографию); Кудрявцев О.Ф. Йовий Павел. — Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2007, т. I, с. 707—709; Кудрявцев О.Ф. Образ и текст: коллекция картин, сопровождаемых элогиями, в Музее Павла Йовия. — Собирачество и меценатство в эпоху Возрождения. М., 2015, с. 95—106.

⁴ *Pauli Iovii Novocomensis Libellus de legatione Basilii magni Principis Moschouiae ad Clementem. VII. Pont. Max. in qua situs Regionis antiquis incognitus, Religio gentis, mores, et causae legationis fidelissime referuntur. Saeterum ostenditur error Strabonis, Ptolemaei, aliorumque Geographiae scriptorum, ubi de Rypheis montibus meminere, quos hac aetate nusquam esse, plane compertum est. Romae Ex aedibus Francisci Minitii Calvi. 1525.*

⁵ *Iovius P. Libellus de legatione Basilii magni Principis Moscouiae ad Clementem VII Pontificem Maximum.* — Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. Составитель, автор вводных статей, примечаний, указателей — О.Ф. Кудрявцев. М., 1997 (с. 227—289), с. 230 (с. 258). Здесь и далее сочинение Павла Йовия о москвитях цитируется по этому изданию, в скобках дана страница русского перевода, выполненного А.И. Малейным и О.Ф. Кудрявцевым.

«иллирийский толмач Николай Сиккский» перевели с русского на латынь привезенную Дмитрием грамоту Василия III папе⁶. «Занимая почетную должность в разных посольствах, он (Дмитрий Герасимов. — *О.К.*) посетил много христианских стран», наведываясь к королям шведскому и датскому, великому магистру прусскому, императору Максимилиану. Именно эта последняя миссия, по мнению Йовия, решающим образом повлияла на гостя из Москвы: «Вращаясь при его (императора. — *О.К.*) дворе, наполненном людьми всякого рода, и наблюдая утонченные нравы, он очистил свой спокойный и восприимчивый ум от всего, что было в нем *варварского* (курсив наш)»⁷.

Зная почтенный возраст Дмитрия⁸, Павел Йовий не мог не понимать, что тот оказался при императорском дворе — как сказано, «в самое недавнее время» (*nouissime*)⁹ — весьма зрелым и сформировавшимся человеком, который серьезно переделаться под воздействием каких бы то ни было обстоятельств был уже не в состоянии. И потом, из чего Йовий мог заключить, что до миссии к императору в Дмитрии было «что-то варварское» (*quid barbarum*)? Неужели нечто подобное рассказывал о себе сам Дмитрий?! Невероятно. Что же тогда? Дело в том, что Дмитрий очень импонировал Йовию высокой образованностью и культурой, своей обходительностью, Московская же Русь, как и Русь вообще, воспринималась в Европе всегда — и это было неколебимое убеждение — в качестве чужого и чуждого мира, если не враждебного, то непременно *варварского*, и — никак иначе, даже если в нем иные находили — и Йовий в их числе — нечто очень поучительное, важное, даже жизненно необходимое для Европы. И как мог в этой варварской среде сложиться и воспитаться такой славный и на диво образованный человек? Вот и подумал Йовий, что здесь не обошлось без «западных влияний»; а где же их искать из всего, что посетил Дмитрий, если не при императорском дворе?

Возвращаясь в другом месте своего повествования к образованию Дмитрия Герасимова, Павел Йовий отмечает, что он «весьма сведущ в делах человеческих, а особенно в Священном Писании»¹⁰. Речь идет, несомненно, об отменной богословской подготовке русского книжника и дипломата и, по-видимому, о его немалых познаниях в дисциплинах, трактующих о человеке; ибо *res humanae* в данном контексте должно обозначать нечто одного порядка с *sacrae litterae*, а таковым может выступать вполне соотносимый с науками о божественном круг предметов, направленных на человека и более известных в ту эпоху как «*studia humanitatis*». В Дмитрии Герасимове Йовий увидел родную душу, своего рода *гуманиста из Гипербореи*, культивировавшего те же, что и он сам, ценностные установки. В частности — характерную для всякого представителя ренессансной образованности трепетную любовь к античности: «Он с восхищением, — свидетельствует Йовий, — осмотрел святые храмы города, развалины римского величия и плачевные останки древних сооружений»¹¹. Доподлинно неизвестно, с какими чувствами русский книжник посещал «развалины римского величия», но к христианским древностям он как православный человек должен был питать превеликое почтение и благоговение. Сопровождать «по священным и мирским достопримечательностям города» к нему был приставлен Франциск Херегат, епископ

⁶ *Ibid.*, с. 233 (с. 262).

⁷ *dum in eius aula omnis generis hominum refertissima uersaretur, si quid barbarum quieto docilique ingenio inerat, elegantium morum obseruatione detersit (Iovius P. Op. cit., с. 230 (с. 258)).*

⁸ Йовий говорит о Дмитрии Герасимове как о «шестидесятилетнем старце» (*sexagenarius senex*) (*ibid.*, с. 234 (с. 263)).

⁹ *Ibid.*, с. 230 (с. 258). По-видимому, Дмитрий Герасимов участвовал в посольстве В.С. Племянникова к Максимилиану I в 1518 г. (см. *Макарий архим. (Веретенников)*. Дмитрий Герасимов, с. 172). В это время ему было около 53 лет. Хотя не исключено, что он бывал у императора и ранее.

¹⁰ *Demetrius uti est humanarum rerum, et sacrarum praesertim literarum ualde peritus (Iovius P. Op. cit., с. 234 (с. 263)).*

¹¹ «*et sacrosancta Vrbs templa et Romanae magnitudinis ruinas Priscorumque operum deploranda cadauera mirabundus inuiserit...*» (*Ibid.*, с. 234 (с. 263, 264)).

Апрутинский (т. е. Абрुццкий), дипломат, о котором Дмитрий был много слышан еще в Москве¹².

Встречали Дмитрия в Риме и обращались с ним самым лучшим образом — не как полагалось гонцу; от него явно чего-то ожидали¹³. Повелением папы Дмитрий был принят «в самой великолепной части Ватиканского дворца, где можно было видеть раззолоченные потолки, шелковые ложа и ковры выдающейся работы», и облачен в шелковое одеяние; на аудиенции у папы он, одетый уже «в пышный наряд своей родины», будто бы почтил верховного понтифика коленопреклонением (в итальянском переводе, опубликованном во втором томе сборника Джованни Баттиста Рамузио, видимо, переводчиком добавлено: «поцеловал у него (папы. — *О.К.*) ноги» (*gli basio li piedi*)¹⁴. От имени своего государя Дмитрий Герасимов преподнес ему в дар собольи меха и передал грамоту¹⁵. Присутствовал Дмитрий — «и притом с удовольствием», отмечено у Йовия, — на проведенном папой богослужении в честь святых Козьмы и Дамиана, «которое совершалось в торжественной обстановке и сопровождалось музыкой»; посетил он также «сенат, когда папа и все чины двора принимали кардинала Кампеджо, только что вернувшегося из Паннонского посольства»¹⁶.

Вот между подобными мероприятиями и проходили «ежедневные почти» собеседования Павла Йовия с Дмитрием Герасимовым, который на досуге (*per otium*) давал ответы, как сказано в книге Йовия, «на наши любопытствующие и ласковые расспросы»¹⁷. В строгом смысле это было не интервью, беседы имели публичный характер, их слушали какие-то еще лица. В их круг, несомненно, входили имевшие непосредственное отношение к появлению книжицы Йовия архиепископ Козенцы Иоанн Руф, епископ Франциск Херегат, а также ее издатель, римский типограф Франческо Кальво. Дмитрий выступал перед ними с довольно пространными пояснениями или сообщениями на предложенные ему темы, подчас забавляя внимавших ему, ибо, по словам Йовия, отличался веселым и остроумным характером (*ingenio comi et faceti*). Дабы проиллюстрировать, сколь богата Русь медом, он «рассказал, вызвав громкий смех всех присутствующих», как некий крестьянин, «разыскивая мед, прыгнул в очень большое дуплистое дерево, и глубокая пучина засосала его по грудь»; два дня он не мог выбраться оттуда и уже отчаялся в спасении, но помощь пришла неожиданная: благодаря удивительному случаю (*mirabili casu*) медведица, желая поесть меду, спустилась в это дупло, тогда крестьянин, схватив ее сзади за крестец, потянул вниз и громко закричал, отчего перепуганный зверь выпрыгнул, увлекая за собой и беднягу-крестьянина¹⁸. Впрочем, этот «чудесный случай с медведицей» очень похож на всякого рода анекдоты о происшествиях в «странах неведомых и дальних», популярные в среде тех, кто был связан с международной торговлей, и используемые в качестве сюжетов для ренессансных новелл, и не исключено, что Йовий, услышав его от кого-то, вложил в уста Дмитрия Герасимова, чтобы оживить свое повествование и позабавить читателей. Сюжет приведенной у Павла Йовия забавной истории известен по целому ряду ее литературных обработок XVI–XVII вв. и фольклорным записям, и поэтому ссылка Дмитрия Герасимова на соседа, с которым будто бы рассказанное и при-

¹² *Ibid.*, с. 233 (с. 262).

¹³ См. об этом: *Ibid.*, с. 234 (с. 263, 264).

¹⁴ *Ramusio G.B. Secondo volume delle navigationi et viaggi. Venetia, 1559, p. 132v.*

¹⁵ *Iovius P. Op. cit.*, с. 233 (с. 262).

¹⁶ *Ibid.*, с. 234 (с. 263). Такого именно органа власти, как «сенат», в папском государстве не было. Скорее всего у Йовия речь шла о собрании коллегии кардиналов во главе с папой и чинов его двора. Об органах управления в папских владениях на рубеже средних веков и нового времени см. *Прозоров В.В. Властные институты, должности и звания в Римской Церкви с V в. до конца XVII в. — Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011 (с. 280–301), с. 298–301.*

¹⁷ *Iovius P. Op. cit.*, с. 229, 230 (с. 257, 258).

¹⁸ *Ibid.*, с. 245, 246 (с. 277).

ключилось, несостоятельна, являясь типичным примером так называемой «ложной достоверности»¹⁹.

По ходу повествования о стране Московии имя Дмитрия Герасимова появляется несколько раз. И тем самым создается впечатление, что Павел Йовий в своем изложении опирается целиком на рассказ русского посланца. Не случайно в историографии высказывалось мнение, будто «кроме сообщений Герасимова Йовий не имел, по-видимому, никаких других источников»²⁰. На самом деле, конечно же, имел. В той же «Книге о посольстве Василия...» Йовий довольно подробно писал о торговых проектах Павла Центуриона (Паоло Центурионе), купца и одновременно папского гонца в Москву²¹, с ним он беседовал о делах московских и как итальянец итальянца, притом также служившего папе, понимал, надо полагать, не хуже, чем гостя из России, с которыми тот и прибыл. Нельзя исключать также рассказы других итальянских купцов или донесения папских дипломатов, с которыми в Риме мог познакомиться Павел Йовий. Античным писателям — на них Павел Йовий ссылался довольно часто — он обязан многими названиями рек, морей, гор, областей, народов, пород зверей; впрочем, их сведения он воспринимал не безоговорочно, отвергая то, что противоречило достижениям современной ему науки космографии, например, «баснословные» Рифейские горы. Своих непосредственных литературных предшественников Павел Йовий не упоминает, но совершенно определенно можно сказать, что ему был известен «Трактат о двух Сарматиях» Матвея Меховского (*Tractatus de duabus Sarmatiis*, 1517), на сторону которого в споре о Рифейских горах он становится уже в развернутом названии своего произведения²². Йовий должен был знать космографический труд Пия II (Еугора, *in qua sui temporis uarias historias complectitur*, середина XV в.) и содержащийся в ней отрывок о Руси, а также, похоже, сообщения о ней Юлия Помпония Лета в его лекциях, посвященных комментированию римских классиков (80-е годы XV в.).

Что именно мог почерпнуть Йовий из рассказов Дмитрия Герасимова и отразить в своем труде? Прежде всего, конечно, биографические данные о русском посланце. А также ряд конкретных деталей, касающихся географии, этнографии, истории Московской Руси и сопредельных земель. Например, Павел Йовий упоминает город «Суриц», в целях содействия торговле основанный Василием III при впадении реки Суры в Волгу, как сказано, «сто пятьдесят миль выше Казани»²³. Речь идет о Васильграде, впоследствии переименованном в Васильсурск. Поскольку город был заложен в 1523 г., можно предположить, что эту свежую новость до Павла Йовия донес Дмитрий Герасимов, прибывший в Рим в 1525 г. Хотя, надо признать, что это же мог сделать и Паоло Центурионе, ибо сей генуэзский авантюрист очень интересовался всем, что связано с волжским торговым путем.

Сведения Дмитрия Герасимова многие историки считают основой сообщения Павла Йовия о возможности, плывя от устья Северной Двины на восток, на кораблях добраться до «границ Китая», ибо, как уточнено в книжице Йовия, «город Китай (sic!)

¹⁹ См. Николаев С.И. Новелла в «Дневнике путешествия в Московию» И.Г. Корба. — Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987 (с. 162–167), с. 166.

²⁰ См. статью А.И. Малеина в кн.: *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. *Павел Йовий Новокомский.* Книга о московитском посольстве. СПб., 1908, с. 348. Близких убеждений держались: *Замысловский Е.Е.* Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884, с. 378, прим. 5; *Боднарский М.С.* Очерки по истории русского земледелия. М., 1947, т. I, с. 24, 25. Б.А. Рыбаков был даже убежден, что Дмитрий Герасимов «продиктовал Павлу Йовию целую книгу о Московии» (Новооткрытая карта Московии 1525 г. — Отечественные архивы. 1994, № 4, с. 6).

²¹ См. подробнее о Центурионе, его поездках в Москву и планах: *Кудрявцев О.Ф.* Несостоявшийся маршрут, или Русский проект генуэзца Паоло Центурионе (из предыстории открытия Северного морского пути). — Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013, № 2, с. 52–63 (здесь же см. библиографию о Центурионе).

²² См. выше прим. 4.

²³ *Iovius P.* Op. cit., с. 243 (с. 273).

находится недалеко от скифских берегов»²⁴; под «скифскими берегами» в данном случае разумеется побережье не Черного моря, а Северного Ледовитого океана. Здесь впервые зафиксирована мысль об использовании Северного морского пути, чтобы достичь Дальнего Востока. В сборнике Рамузио можно найти косвенное подтверждение того, что Дмитрий Герасимов высказывал эту идею.²⁵ Хотя с ней мог познакомить Йовия и Паоло Чентурионе, ибо он как исследователь новых неведомых доселе путей на восток не должен был оставить ее без внимания.

Иные же из сведений, приписанных Дмитрию Герасимову, к нему при внимательном их рассмотрении отношения не имеют. Так, у русского посланца будто бы спросили, не сохранилось ли у его народа какого-либо предания о готах, «разрушивших и империю цесарей, и Рим». И он ответил, что «имя готского народа и царя Тотилы славно и у них и знаменито, и что для этого похода собралось вместе множество народов и преимущественно перед другими московиты. Затем, по его словам, их войско возросло от притока ливонцев и приволжских татар, но готами названы были все потому, что готы... явились зачинщиками этого похода»²⁶. По мнению Е.Е. Замысловского, в этих словах московского дипломата обнаруживается желание подчеркнуть «всемирное значение русской народности»²⁷. Вопрос, однако, в том, мог ли Дмитрий Герасимов сказать что-то подобное этому. Сомнительно, чтобы он на западный манер называл свой народ «москвитами»; и совсем невозможно ему, высоко образованному русскому человеку, знавшему и свои летописи, и историю соседних народов, причислять волжских татар, сложившихся не ранее второй половины XIII–XIV вв., к участникам похода на древний Рим! Очевидно, что авторитетом Дмитрия Герасимова Павел Йовий пытался удостоверить собственные историко-этнографические изыскания.

Еще один пример. Павел Йовий сообщает, что на крайнем севере, за лапландцами, «в стране, обвеваемой дуновением Кора и Аквилона и окутанной глубоким мраком, живут пигмеи». Ростом пигмеи с десятилетнего мальчика, весьма боязливы, речь свою выражают щебетанием, и в целом, по заключению Йовия, они «столь же близки к обезьяне, сколь своим ростом и чувствами далеки от человека надлежащих размеров». Первым в качестве такого рода «свидетеля» приходит на ум, конечно же, Дмитрий Герасимов. Однако дело в том, что он, путешествовавший мимо Кольского и Скандинавского полуостровов в Данию и представлявший себе этнографию дальнего Севера, ни в коем случае не мог «населить» эти края сказочными существами пигмеев. Зато о них часто сообщали многие античные и средневековые авторы, в их числе Гомер, Страбон, Евстафий Фессалоникийский, византийский писатель XII в. Хотя скорее всего римский гуманист Павел Йовий следовал за своим прямым предшественником, главой Римской академии Юлием Помпонием Летом, который в комментариях к «Георгикам» Вергилия рассуждал о пигмеях как обитателях крайнего севера²⁸.

Как видим, в «Книге о посольстве Василия...» мы находим не столько то, что говорил русский посланец Дмитрий Герасимов, сколько то, что хотел сказать своим современникам как будто бы излагавший беседы с ним римский гуманист Павел Йовий. И это в равной мере справедливо в отношении образа великого князя Московского и порядков страны, которой он правит. Павел Йовий представляет его в очень выгодном свете. О таком государе можно только мечтать. Он — полная противоположность мрачному, кровожадному, ненавидимому подданными тирану. Ибо он — собор всех совершенств: «Василий [III], — читаем у Йовия, — не имеет еще сорока семи лет от роду и заслуживает предпочтения перед своими предками особо красивой наружностью,

²⁴ Ibid., с. 239, 240 (с. 270).

²⁵ См. об этом: Казакова Н.А. Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в., с. 260, 261; Россия в первой половине XVI в., с. 298, прим. 66.

²⁶ *Iovius P.* Op. cit., с. 240 (с. 270, 271).

²⁷ *Замысловский Е.Е.* Указ. соч., с. 56, примеч. 4.

²⁸ См. *Забугин В.* Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование. СПб., 1914, с. 205.

выдающимися достоинствами души, любовью и расположением к подданным и своими деяниями».

Московский двор свидетельствует о могуществе и величии государя, ибо состоит, как сказано, «из царьков (ex Regulis) и отборных воинских чинов, которые призываются на определенное число месяцев из каждой области для посещения и прославления двора и для исполнения свитских обязанностей»²⁹. Восхищение Павла Йовия вызывает обычай Василия III «с замечательной пышностью и особенным радушием, нисколько, впрочем, не вредящим его царственному величию, пировать принародно (publice) с вельможами и послами; и в самой пиршественной зале можно видеть много посуды из позолоченного серебра, выставленной на двух горках. Ни при себе, ни в других местах он не содержит в качестве телохранителей отрядов преторианских воинов, его окружает только собственная челядь»³⁰. Похоже, исходный рассказ Дмитрия Герасимова об обстановке великокняжеских пиров Павел Йовий повернул так, чтобы в нравственном облике московского государя можно было узнать добродетель *великолепия*, столь превозносимую, особенно в правителях, ренессансными гуманистами³¹. Примером Василия III Павел Йовий, как видно, имел в виду наставить европейских монархов, какими качествами должен обладать совершенный государь.

Описывая нравы общественной жизни, с большим одобрением Павел Йовий отзывается о законодательстве московитов. «Законы во всем царстве у них просты и имеют основанием величайшую справедливость государей и наиболее честных людей, а потому, — делает вывод Йовий, — весьма благотворны для народа, так как их нельзя перетолковать и извратить никаким крючкотворством стряпчих»³². Упомянув о простоте московитских законов, основанных на «величайшей справедливости государей и наиболее честных людей», Павел Йовий обыгрывает одну из самых актуальных тем общественно-политической публицистики гуманистов, остро поставленную в творчестве Джованни Понтано, Эразма Роттердамского, Гийома Бюде, в «Утопии» Томаса Мора³³. У московитов Йовий нашел такую правовую систему, которую, нет сомнений, он желал бы видеть в Европе, отчего их опыт в очередной раз он выставляет как поучительный.

Восхищение Павла Йовия вызывает военное дело и армия московитов. В случае войны московский правитель способен собрать более 150 тысяч конницы. Цифра, приводимая Павлом Йовием, возможно, со слов Дмитрия Герасима, вне всякого сомнения, сильно преувеличена, но она завораживала всякого европейца, который сразу должен был задуматься о том, что Василий III, располагающий столь большим войском, является крайне желательным союзником³⁴. В случае войны «войско создается как из испытанных уже воинов, так и из вновь набранных по областям»³⁵. Подготовка к ней ведется и в мирное время. «Вся молодежь, — сказано у Йовия, — упражняется в разнообразных играх и притом весьма близких к воинскому делу, состязается в беге, борется и участвует в конском ристании; всем, а в особенности самым опытным стрелкам из лука, назначаются награды»³⁶. Серьезной мерой укрепления армии являются льготы, получаемые военными: «Несущие воинскую службу свободны от

²⁹ *Iovius P.* Op. cit., с. 253, 254 (с. 288, 289).

³⁰ *Ibid.*, с. 253 (с. 288).

³¹ О добродетели *великолепия* в моральных наставлениях ренессансных гуманистов см. *Кудрявцев О.Ф.* Флорентийская Платоновская академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М., 2008, с. 394–399.

³² *Iovius P.* Op. cit., с. 250 (с. 283).

³³ См.: *Кудрявцев О.Ф.* Ренессансный гуманизм и «Утопия». М., 1991, с. 63–101 и след.

³⁴ Ср. похожий ход мыслей у современников Йовия Альберта Кампенского и Иоганн Фабри, как и он, писавших о Московской Руси: *Campensis A.* De Moscovia. — Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы (с. 63–134), с. 89–91; *Fabri I.* Moscovitarum iuxta mare glaciale religio. — Там же (с. 143–203), с. 149 (с. 178).

³⁵ *Iovius P.* Op. cit., с. 254 (с. 289).

³⁶ *Ibid.*, с. 250 (с. 283).

податей, имеют преимущество перед крестьянами и во всех делах сильны царским покровительством». Особое одобрение вызывает правило, благодаря которому «во время войны для *истинной доблести* открывается благородное поприще, ибо, — подчеркивает Йовий, выделяя главный принцип, коим зиждется весь государственный строй московитов, — превосходным и полезным установлением является то, что *во всякой отрасли управления* каждый в зависимости от оценки совершенных им деяний получает в удел или вечную награду, или вечный позор» (курсив наш)³⁷.

Словом, если верить Йовию, то не только в военных, но и во всех других делах у московитов награждается доблесть (*virtus*), и всякий оценивается по достоинствам его, не по знатности или по богатству. Но разве не в подобном установлении видели основу правильного гражданства порядка Маттео Пальмиери, Томас Мор, Гийом Бюде и другие ведущие гуманисты ренессансной эпохи³⁸? Не случайно их младший современник Павел Йовий нашел в Московии «пример наилучших установлений»³⁹, между тем как, следует признать, подлинная реальность русской общественно-политической жизни с принципом местничества — оценке человека исключительно по знатности, должна была выглядеть совсем по-иному⁴⁰.

Итак, Павел Йовий в московитах, этих *варварах*, благодаря Дмитрию Герасимову, информацию которого он дополнял и интерпретировал на свой лад, находил много такого — и в поведении высшей власти, и в принципах, которыми зиждутся все их порядки, и в юридическом укладе, и в организации армии, — что он мог бы только пожелать западному обществу и его институтам. Подобно Тациту, подражать которому он обязался в начале повествования⁴¹, чужим примером Павел Йовийставлял своих, какими им быть⁴². Вольно или невольно под его пером Московия приобретала черты земли обетованной ренессансного гуманизма.

³⁷ *Patescit nanque uerae uirtuti, nobilis locus, quum bellum geritur, siquidem egregio et in omni reum administratione salutari instituto, ad suum quisque spectatum facinus uel perpetui praemii uel ignominiae sempiternae fortunam adsequitur* (Ibid., с. 254 (с. 289)).

³⁸ См. *Кудрявцев О.Ф.* Ренессансный гуманизм и «Утопия», с. 82–101.

³⁹ *Iovius P.* Op. cit., с. 254 (с. 289).

⁴⁰ О местничестве см. подробнее: *Маркевич А.И.* История местничества в Московском государстве в XV–XVII в. Одесса, 1888; *Berelowitch A.* La hiérarchie des égaux: la noblesse russe d'ancien Régime (XVI–XVII siècles). Paris, 2001; *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России. М., 2009; *Эскин Ю.М.* Местничество. — Большая российская энциклопедия. М., 2012, т. 20, с. 64, 65.

⁴¹ *Iovius P.* Op. cit., с. 230 (с. 258). Павел Йовий имел в виду сочинение Корнелия Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии» (*De origine et situ Germanorum*), созданное в 98 г. н.э., в котором античный историк свой рассказ о германцах использовал для научения и наставления римлян. См. *Тацит.* Сочинения. СПб., 1993 (с. 337–356), с. 339–348. См. также: *Кнабе Г.С.* Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М., 1981, с. 134–143.

⁴² См. на эту тему подробнее: *Кудрявцев О.Ф.* Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. — Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы (с. 6–34), с. 19, 20.